

Рецензии, обзоры, информация

Город и литература

[Валентина Брио. Поэзия и поэтика города. Москва: Новое литературное обозрение. Научное приложение. Выпуск LXIX, 2008. 264 с.]

Книга авбиографична, художественна, но прежде всего научна («прежде всего...» можно заменить на «благодаря чему...»), сочетает эрудицию со строгой аналитичностью, филологический анализ с эмоциональностью. Предпосылки исследования сформулированы в предисловии: здесь признательность Городу, где Валентина Брио прожила тридцать лет, сопрягается с изложением некоторых идей предшественников, прежде всего В. Н. Топорова, а также Чеслава Милоша и Томаса Венцловы. Три части исследования раскрывают образ Вильнюса в польской, еврейской (на иврите и идиш) и литовской литературах XIX–XX вв., преимущественно в поэзии.

Польская ее часть посвящена Вильнюсу Мицкевича и филаретов, Крашевского, Сырокомли, Ходзьки, Тарновского, Галчинского, Милоша и других поэтов. Опирающееся на большую научную и мемуарную литературу, в основном польскую, исследование Брио дает довольно полную и точную картину отражений Вильнюса в польской литературе двух столетий. При этом часть стихотворных и беллетристических текстов переводится с польского языка и комментируется впервые.

Проникновенно написана глава «Ерушалим де-Лита – Литовский Иерусалим». Она открывается краткими сведениями о формировании в Вильнюсе со второй поло-

вины XVI в. еврейской общины как части европейского еврейства, о возникновении раввинской учености, строительстве синагог. Здесь говорится о творчестве первого вильнюсского еврейского поэта Миши Иосефа Лебенсона, в стихах и поэмах которого обобщенный образ библейского Иерусалима ассоциировался с Вильнюсом. Подробно анализируются вильнюсские тексты в творчестве писавших на иврите Мордахая Цви Мане (1859–1886), Залмана Шнеура (1887–1959) и на идиш Э. Гольдшмидта (1882–1941?), Моше Кульбака (1896–1937), талантливо и многообразно претворявших библейские традиции, так сопрягая их с романтико-символистскими, импрессионистическими и некоторыми иными новыми стилями, что древнееврейские духовные и стилистические начала оставались определяющими. Такова поэма Кульбака «Вилнэ», где Город уподобляется псалмам, молитве, каббалистическим тайнам, а его (Города) «чтение» приравнено к чтению разворачиваемого свитка Торы: «Ты – Псалом из железа и глины, / Молитва – каждый камень, напев – каждая стена. / < ... > Свиток – каждый твой камень, пергамент – каждая стена». Ночь Города, небо и звезды, красота и бедность, быт и Бытие, горе и радость, мистика и реальность, впечатление и вечность – все это лирически олицетворяется поэтом: «Я – город!». Во время Второй мировой вой-

ны немцы собрали евреев в гетто и расстреляли в Верхних Панарах. Тема еврейского Вилнэ трагически оборвалась. После войны эта тема, драматически заключает В. Брио, «звучит как плач по уничтоженному Литовскому Иерусалиму». Волнующей эпитафией стало переведенное с идиш стихотворение «Виленская синагога» Марка Шагала, расписывавшего Главную синагогу в середине тридцатых годов и вспоминавшего ее после катастрофы.

Хотелось бы подробнее прокомментировать третью часть книги «Vilnius. „Mes be Vilniaus nenurimsim!“», посвященную теме изображения Вильнюса в литовской литературе. Вынесенная в название главы строка из инвокации П. Вайчюнаса указывает на основной мотив литовской поэзии 1920–1930-х гг. – протест против польской оккупации древней столицы Литвы. Анализ этого материала предшествуют краткий экскурс в историю литовского фольклора, а также характеристика созданного С. Даукантасом «идеального текста» Литвы и анализ стихотворения Майрониса «Вильнюс» (1892). Обратившись к актуальной современности, В. Брио указала на источник произведений многих поэтов – иллюстрированную антологию *Поэзия нашего Вильнюса*, изданную С. Миглинадом (Miglinas S. *Mūsų Vilniaus poezija. Iliustruota Vilniaus poezijos antologija*. Kaunas, 1932) и прокомментировала наиболее показательные тексты Л. Гиры, Б. Сруоги, К. Бинкиса, П. Вайчюнаса, К. Инчюры, С. Шемериса, И. Паукшталяса, П. Бабицкаса, Б. Бразджиониса и др. Из числа поэтов, писавших о Вильнюсе после Второй мировой войны в Литве и эмиграции, В. Брио выделяет Юдиту Вайчюнайте и Томаса Венцлову.

Тема Вильнюса – главная в поэзии Вайчюнайте, представляющей собой впечатляющий опыт художественной литуанизации Вильнюса. В. Брио рассматривает ее стихи, названные именами улиц: «Улица Тилто», «Музейная улица», «Переулок Пилес»,

«Улица Стиклю», «Ель за воротами Аушрос», «Часовенка на ул. Й. Басанавичюса», выделяет в особую группу стихи об исторических лицах, так «естественно» присутствующих в архитектурных памятниках и «глядящих» «в двадцатый век».

В. Брио подробно анализирует несколько схожих стихотворений Т. Венцловы, стараясь обнаружить в них «остаточный» вильнюсский след и выделяя намеченный в некоторых из них мотив возвращения, соотношенный с темой Одиссея. Есть в книге и любопытная попытка объяснения обращения Венцловы к форме путеводителя, по своему повторяющего аналогичный финал вильнюсской темы у Ч. Милоша: в 2000 г. вышел венцловский *Путеводитель по Вильнюсу*, в 2006-м, по авторскому определению, второй его том – *Вильнюсские имена (Vilniaus vardai)*.

Книга В. Брио открывается эпитафией о сне Гедимина, побудившем князя основать Вильнюс, из поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». Конечно, не этот мотив является доминирующим в поэме Мицкевича: не менее, а, видимо, более значимым является другой, фигурирующий в самом начале этого текста: „Panno Święta, co jasnej bronisz Częstochowy / I w Ostrej świecisz Bramie! Ты, co gród zamkowy / Nowogródzki ochraniaś z jego wiernym ludem!“ (О, мать божия, ты светишь в Острой Бреме, / Твой чудотворный лик и в Ченстохове с нами, / И в Новогрудке ты хранишь народ от бедствий, / Да ты ведь и меня спасла от смерти в детстве! *Пер. С. Мар*).

Этот объединяющий народы религиозный образ широко обсуждался в межвоенной Литве, когда обосновывалась понимание «Пана Тадеуша» как польско-литовской эпопеи. А позднее в польском литературоведении была оспорена правомочность применения к наследию Мицкевича понятия „literatura kresów“ («литература пограничья») и предложен специфический метод анализа, основанный на принципиальном

понимании постоянной соотнесенности исторического, религиозного и художественного аспектов «Пана Тадеуша». Именно в рамках такого истолкования литовско-польская эпопея соотносилась с Городом, и эта культурная традиция требует внимательного анализа. Остробрамская чудотворная икона Божьей Матери в Вильнюсе, как известно, была самой глубокой внутренней темой Мицкевича, и образ Ее сопровождал его всю жизнь. Перед Ней он молился ранним утром 25 октября 1824 г, за час до отъезда в ссылку. Ее образ вдохновлял его, когда он создавал «Пана Тадеуша» в Париже. Копию иконы, выполненную В. Ваньковичем, поэт вместе с другими поляками-эмигрантами 8 декабря 1841 г. установил в парижской церкви Св. Северина. Остробрамская икона Божьей матери и образ склоненного перед ней в молитве Мицкевича неотделимы от Вильнюса: они повторены во множестве литографий и запечатлелись в европейском культурном сознании. С этой иконой и ее сложными культурными и религиозными контекстами связаны созданные в ноябре 1832 г. в Париже *Книги польского народа и польского пилигримства (Księgi naroda polskiego i pielgrzymstwa polskiego)*, изданные анонимно в форме молитвенника для

богослужений. Заканчивались *Книги ...* молитвой Пилигрима, обращенной к Божьей Матери Остробрамской: „Matko Boska, którą Ojcowie nasi, nazwali królową Polski i Litwy. Zbaw Polskę i Litwę” («Матерь Божья, Отцы наши назвали Тебя королевой Польши и Литвы. Спаси Польшу и Литву!»).

В межвоенной Литве *Книги...* вызывали раздражение, иногда гнев и сарказм, однако Мицкевич не был отторгнут литовской культурой. Напротив, в межвоенный период были переведены почти все произведения Мицкевича, прослежено их усвоение литовскими писателями и их значение в становлении государственно-национального и культурно-художественного самосознания возрожденной Литвы, а также сопряжение религиозных и мессианских устремлений и образов Мицкевича с христианским наследием литовцев (См., напр.: Antanas Smetona. *Lietuvių santykiai su lenkais: IV: Bažnyčios srityje*. Kaunas, 1931).

Приведенные выше соображения – свидетельство того, насколько интересны имена и события, описываемые в книге В. Брио, как они будоражат мысль всех тех, для кого Вильнюс был и остается средоточием многих культур, фактом истории нескольких народов.

Павел Ивинский